

Павел Зенченко

Жара в крови

Павел Зенченко

Жара в крови

«Автор»

2026

Зенченко П. М.

Жара в крови / П. М. Зенченко — «Автор», 2026

Мир, переживший климатическую катастрофу, задыхается от невыносимой жары. Города превратились в раскалённые печи, а бескрайняя пустыня, прозванная Пеклом, стала живым воплощением ада. Здесь, среди песков и миражей, выживают лишь те, кто отбросил всё человеческое. Или те, кому есть ради чего жить. Он — охотник за головами, одиночка, не знающий ни страха, ни сожалений. Всю жизнь он подчинялся лишь одному закону — дисциплине. Его боятся, его уважают, но никто не знает, что за железной бронёй скрывается рана, которая не заживает годами: панический, иррациональный страх перед женщинами. Казалось, этот мир создан для таких, как он, пока очередной контракт не перевернул всё. Она — учёная, сбежавшая из секретной лаборатории с данными, способными изменить судьбу человечества. За ней охотятся корпорации, наёмники, армия. Единственный путь к спасению — пройти через Пекло, где жара сводит с ума, а песчаные бури способны похоронить целые караваны. Ей нужен проводник...

© Зенченко П. М., 2026

© Автор, 2026

Павел Зенченко

Жара в крови

вступление(1)

Книга: Жара в крови

Пролог

Мир плавился. Солнце, огромное и белое, как глаз умирающего бога, висело над выжженной землей. Жара была не просто погодой — это было живое существо, которое душило в объятиях, лишало воли и рисовало в воспаленном мозгу миражи: озера, полные прохладной воды, тенистые сады, лица тех, кого давно нет. Многие сходили с ума в этой духовке, разговаривали с пустотой, уходили в пустыню за призраками.

Но не он.

Он встал на рассвете, когда воздух был еще не раскаленным металлом, а лишь теплым пледом. Встал не по зову природы и не из-за бессонницы. Это был ритуал. Самодисциплина — единственная броня, которая у него была. Единственный его бог, которому он молился по утрам.

Жара в крови (1)

Часть первая: Охотник

Глава 1. Сталь и песок

Его звали Рэм. Он не любил это имя, но оно было его собственным, а чужого ему не требовалось.

Он сел на узкую койку, застеленную грубой тканью. Мышцы ныли после вчерашней погони, но он не обращал на них внимания. Тело — это инструмент. Инструмент нужно смазывать и затачивать, даже если он скрипит. Он опустился на пол и начал серию упражнений. Сто отжиманий, двести скручиваний, растяжка. Каждое движение было выверенным, экономным, лишенным малейшего намека на изящество. Это была работа.

Покончив с телом, он перешел к завтраку. На столе — банка консервированных бобов, кусок вяленого мяса, галета и кружка воды. Никакого кофе, никакого чая. Только топливо для машины под названием «организм». Он ел механически, глядя в окно на просыпающийся город. Город, название которого было так же безлико, как и его собственная жизнь.

Рэм был невысокого роста и обладал средней шириной плеч. В толпе он бы затерялся — еще один мужчина в пыльном плаще и поношенных ботинках. Но затеряться ему не давали. Слишком многие знали это спокойное, волевое лицо с глубоко посаженными глазами. Знали, что если Рэм идет по твою душу — торговаться поздно.

Он был одиночкой. Его профессия называлась просто: наемник. Но чаще таких, как он, называли «охотниками за головами». Рэм находил тех, кого не могли найти ищейки закона, и доставлял их заказчику. Живыми или мертвыми — в зависимости от суммы контракта.

В личной жизни у него был полный ноль. Его замкнутость, его недоверие ко всем и вся, его привычка анализировать каждое слово, как угрозу, отталкивали людей. Друзей у него не было. Приятелей — тем более. Но настоящая проблема была в другом.

Он боялся женщин.

Не в том смысле, что убегал от них с криком. Просто рядом с ними он превращался в статую. Особенно когда дело касалось внимания с их стороны. Если женщина смотрела на него дольше секунды, если улыбалась или, упаси боже, пыталась заговорить, его мозг, привыкший к логике и расчету, впадал в ступор. Смерть от пули в перестрелке казалась ему куда более простой и предсказуемой перспективой, чем необходимость ответить на женский комплимент. Поэтому он избегал их. Жестко, грубо, иногда до обидного демонстративно.

Глава 2. Контракт

Жара в тот день стояла невыносимая. Она наваливалась на город, как мокрая шерстяная тряпка, липла к коже, забивалась в лёгкие, превращала воздух в дрожащее марево. Даже городские стены, сложенные из грубого камня, казалось, дышали жаром, истекая потом из трещин. На рынке, куда Рэм свернул, чтобы сократить путь, творилось что-то невообразимое: торговец рыбой вдруг закричал, что видит набегающие волны, бросил свой лоток и с разбегу нырнул в пересохший каменный фонтан, разбив лицо о пыльное дно. Люди лишь лениво обернулись на шум — они уже привыкли к таким выходкам. Жара сводила с ума не хуже яда: у одних начинались видения, у других — приступы немой ярости, у третьих — полная апатия. Рэм не относился ни к тем, ни к другим. Он шёл сквозь этот бред, не оглядываясь, сосредоточенный, как лезвие ножа, спрятанного под плащом.

Он свернул в узкий проулок между двумя глинобитными домами, где тень была гуще и хоть немного спасала от солнца. Стены здесь были исписаны выцветшими лозунгами и грубыми рисунками. «Вода — жизнь», «Не верь корпорациям», «Свобода или смерть». Рэм скользнул по ним взглядом и отвернулся. Политика его не интересовала. Его интересовало только одно — выживание. И деньги, которые это выживание обеспечивали.

У выхода из проулка, прямо на солнцепёке, сидел старик. Он был худ, как скелет, кожа обтягивала череп, а глаза были мутными, словно затянутыми пеленой. Перед ним стояла жестяная кружка с несколькими монетами. Старик что-то бормотал себе под нос, раскачиваясь вперёд-назад. Рэм хотел пройти мимо, но старик вдруг вскинул голову и уставился прямо на него.

— Ты! — прохрипел он, указывая скрюченным пальцем. — Ты идёшь в Пекло, да?

Рэм остановился. Откуда старик мог знать? Он ещё никому не говорил о контракте, кроме как Луи. Совпадение? Или очередная галлюцинация, вызванная жарой?

— Что ты несёшь, старик? — спросил Рэм ровно, не выдавая удивления.

— Я вижу, — старик захихикал, обнажая беззубые дёсны. — Вижу твою дорогу. Песок, огонь и женщина. Женщина с холодными глазами. Она тебя погубит, охотник. Или спасёт. Не пойму.

Рэм сжал челюсти. Ему не нравились такие разговоры. Суеверия, предсказания, бред — всё это было для слабаков, которые не умели полагаться на себя. Он бросил старику мелкую монету, просто чтобы тот замолчал, и зашагал дальше.

— Берегись её! — донеслось вслед. — Она заберёт твоё сердце и бросит его в песок!

Рэм не обернулся. Ему уже было не по себе. Сначала Луи со своими намёками, теперь этот сумасшедший. Город словно сговорился напомнить ему о его слабости. О женщинах.

Он ускорил шаг. Бар «Гнилой зуб» был уже близко.

Заведение ютилось в подвале бывшего доходного дома в старой части города. Узкие улочки, по которым он шёл, напоминали лабиринт: глухие стены, обвалившиеся балконы, вонь гниющих отбросов. Ветер сюда не проникал, и жара стояла особенно невыносимая. Рэм чувствовал, как пот стекает по спине, но не позволял себе расстегнуть плащ. Привычка. Дисциплина. Оружие должно быть скрыто, а тело — готово к бою в любой момент.

Перед входом в бар, прислонившись к стене, стоял верзила с золотым зубом. Местный вышибала. Он лениво скользнул взглядом по Рэму и кивнул, узнавая. Рэм кивнул в ответ и толкнул тяжёлую дверь, обитую железом.

Внутри было темно и душно. Пахло потом, кислым вином, мокрой штукатуркой и безысходностью. За столами сидели мужчины с серыми лицами, пили из мутных стаканов и говорили вполголоса. Никто не поднял головы, когда он переступил порог, но Рэм знал: все отметили его появление. Он был здесь нечастым гостем, но его знали. Знали, как он двигается — экономно, без лишних жестов. Знали, что он не пьёт, не играет, не ищет женского общества. Одиночка. Опасный одиночка.

Он прошёл вглубь, туда, где за дальним столом, у стены, где тени были гуще всего, его ждал Толстяк Луи. Посредник. Мерзкий тип с потными ладонями, бегающими глазками и вечной улыбочкой, которая не предвещала ничего хорошего. Он был одет в дорогой, но измятый костюм, на шее — толстая золотая цепь, явно фальшивая, но призванная производить впечатление. Луи махнул рукой, приглашая Рэма сесть.

— Рэм, дружище! — засуетился Луи, привставая, но не решаясь полностью выпрямиться — то ли из-за страха перед Рэмом, то ли из-за одышки. — Садись. Выпьешь? У них тут появилось что-то вроде бренди, не то чтобы хорошее, но согревает...

— Говори, — коротко бросил Рэм, оставаясь стоять. Садиться он не хотел, особенно рядом с Луи. Если бы пришлось бежать или драться, сидячее положение было бы помехой. Но главное — он не хотел, чтобы Луи оказался на одном уровне с ним. Стоя, Рэм чувствовал себя увереннее: так проще контролировать пространство и не давать собеседнику чувствовать себя в безопасности.

Луи перестал улыбаться, но глазки его продолжали бегать. Он нервно сглотнул, вытер лоб платком — хотя в подвале было не жарко, скорее наоборот, промозгло, — и заговорил тише, почти шёпотом, хотя вокруг всё равно никто не слушал: в таких местах чужие разговоры были делом опасным.

— Дело есть. Деликатное, — Луи подался вперёд, облокотившись о стол. — Одна дамочка... сбежала от очень влиятельного человека. Прихватила с собой кое-что ценное. Очень ценное, Рэм. Такое, за что платят не деньгами, а безопасностью.

Рэм молчал, ожидая продолжения. Луи любил театральные паузы.

— Что за дамочка? — наконец спросил он, хотя уже догадывался, что это будет самое неприятное во всём задании. Женщина. Чёрт. Весь его опыт подсказывал: если в контракте фигурирует женщина, жди беды. Не из-за неё самой, а из-за того, как это действует на мужчин. Женщины — непредсказуемый фактор, они вносят хаос в любые планы, ломают дисциплину, будят в людях то, что лучше оставлять спящим.

— Учёная, — Луи выдержал паузу, облизав губы. — Из Столицы. Работала над каким-то проектом для правительства. Секретный проект, сам понимаешь. А потом вдруг сорвалась и ушла в Пекло.

Пекло. Это слово повисло в воздухе, как звон разбитого стекла. Пеклом называли пустыню, раскинувшуюся за городом. Огромную, безжалостную территорию, где выживали только безумцы и изгои. Там не было закона, не было жалости, не было воды. Только песок, скалы и жара, которая усиливалась с каждым годом, словно сама земля горела изнутри. Немногие уходили туда добровольно. Ещё меньше возвращались.

— Одна? В Пекло? — Рэм усомнился, и это сомнение отразилось в его голосе — настолько, насколько он вообще позволял себе проявлять эмоции. — Она либо мертва, либо уже не в себе.

— Она жива, и у неё есть план. — Луи заёрзал на стуле. — Наши люди проследили за ней до кромки. Дальше — нет. Но достоверно известно, что она не погибла в первые дни. Её видели у старого колодца, потом у развалин форта. Она идёт на север, к Свободным Территориям.

Рэм нахмурился. Свободные Территории — анклав отступников и бунтарей, которые не признавали власть Столицы и её корпораций. Если женщина-учёная с ценными данными доберётся туда, это может изменить расклад сил. Политика. Рэм не любил политику. Но деньги он любил, а точнее — ту независимость, которую они давали.

— Что именно она унесла? — спросил он.

Луи замялся. Это было не похоже на него: обычно он выкладывал детали сразу, чтобы набить цену. Теперь же он явно колебался, постукивая пальцами по столу.

— Не знаю, — признался он, понизив голос до едва слышного. — Заказчик не сказал. Но дал понять, что это стоит больше, чем весь этот город вместе взятый. И что это касается всех

нас. Ты же знаешь, что жара усиливается? Что климат меняется? Так вот, эта дамочка нашла способ... как бы это сказать... повернуть процесс вспять. Или что-то в этом роде.

Рэм скептически хмыкнул. Слишком фантастично звучало. Но за годы работы он привык к тому, что в этом мире нет ничего невозможного. Особенно когда речь идёт о жадности и власти.

— Дай подробности, — потребовал он. — Имя, описание, привычки, слабые места. Без этого я не сдвинусь с места.

Луи снова вытер лоб, хотя в подвале было холодно. Его нервозность нарастала.

— Имя — Лина Арендт. Биолог, физик, ещё что-то там. Работала в закрытой лаборатории «Гелиос». Лет тридцать — тридцать два. Высокая, стройная, тёмные волосы, глаза — серые. Особые приметы — шрам на левом предплечье, похож на ожог. Характер... — Луи поморщился, — сложный. Упрямая, независимая, недоверчивая. Из тех, кто сначала бьёт, потом спрашивает.

Рэм слушал, запоминая каждое слово. Шрам на предплечье — это поможет опознать. Характер сложный — это он и так понял. Раз она ушла в Пекло одна, значит, отчаяние или уверенность в своих силах у неё запредельные.

— Каков маршрут? — спросил он.

— Отсюда на северо-запад, через Сухой каньон, потом — к старому оазису, если он ещё существует. Дальше — по компасу на Свободные Территории. Но учти: через неделю начнутся Пыльные Бури. Они накроют всю пустыню на месяц, а то и больше. Тот, кто не успеет выйти, останется там навсегда.

Луи замолчал, многозначительно глядя на Рэма. Потом, понизив голос ещё сильнее, добавил:

— Заказчик хочет, чтобы ты нашёл её и вернул. Желательно живой. Но если не получится — то хотя бы то, что она несёт. Сумма вот.

Луи подвинул по столу металлический жетон с выгравированной цифрой. В этом городе деньги давно заменили на такие вот жетоны, которые можно было обменять на воду, оружие или кредиты в подпольных банках. Рэм взял жетон, взвесил в руке, провёл пальцем по гравировке. Сумма была солидная. Даже очень. Но не настолько, чтобы рисковать жизнью в Пекле.

— Удвоишь, — сказал он, возвращая жетон. — За Пекло — двойной тариф.

Луи замялся, задышал чаще. Видно было, что такой разговор он предвидел, но всё равно надеялся, что Рэм не станет торговаться.

— Рэм, послушай... — начал он примирительно.

— Удвоишь, — повторил Рэм ровным голосом, в котором не было ни угрозы, ни злобы — лишь холодная констатация факта. — Или ищи другого дурака.

Луи закусил губу. Рэм знал, что другие охотники вряд ли возьмутся за такое: слишком опасно, слишком мало времени, слишком много неясностей. А те, кто возьмутся, потребуют ещё больше. Так что у Луи не было выбора.

— Хорошо, — выдал наконец посредник. — Будет двойной. Но только не тяни. Через неделю — бури. Тогда оттуда не вернётся никто. И заказчик не простит, если ты не успеешь.

— Мне всё равно, простит или нет, — ответил Рэм, поднимаясь. — Но я привык выполнять контракты.

Он уже повернулся к выходу, когда Луи вдруг окликнул его:

— Рэм!.. Ещё одно.

Рэм остановился, не оборачиваясь.

— Будь осторожен с ней. Она... — Луи замялся, подбирая слова, — она не такая, как все. Говорят, она умеет убеждать. Очень убедительно. Даже без слов.

Рэм хмыкнул и вышел из бара, не удостоив Луи ответа.

Снаружи жара снова навалилась на него, как раскалённая плита. Он постоял несколько секунд, давая глазам привыкнуть к яркому свету после полумрака подвала. Потом зашагал прочь, обходя лужи засохшей грязи и кучи мусора.

Он шёл не домой. Сначала нужно было зайти в оружейную лавку старого Ганса, проверить снаряжение и пополнить запасы. Лавка находилась на окраине, в переулке, который славился тем, что там можно было купить всё — от гвоздей до армейских винтовок. Ганс был старым другом ещё с тех времён, когда Рэм только начинал. Он не задавал лишних вопросов и всегда держал лучшее для своих.

Когда Рэм вошёл, над дверью звякнул колокольчик. Внутри пахло машинным маслом, порохом и старой кожей. Ганс, сухой, жилистый старик с вечно прищуренным глазом, возился за прилавком, разбирая какой-то затвор.

— О, Рэм, — произнёс он, не поднимая головы. — Давно не заходил.

— Нужно пополнить припасы, — сказал Рэм, подходя к прилавку. — Вода, сухпай, патроны. И ещё... что-нибудь от жары.

Ганс оторвался от работы и внимательно посмотрел на него.

— В Пекло собрался?

Рэм промолчал. Ганс всегда всё знал. Наверное, потому что к нему стекалась информация со всего города.

— Слышал, у тебя новый контракт, — продолжал старик, вытирая руки ветошью. — Опасный. Женщина, да?

— Что ещё слышал? — Рэм не любил, когда обсуждали его дела.

— Что она красивая. И что за неё платят бешеные деньги. Но это не для меня. Я слишком стар для таких приключений.

Ганс подошёл к полкам и начал собирать заказ. Рэм наблюдал за ним, облокотившись о стойку. В лавке было прохладно, и это немного остужало голову.

— Ты ведь знаешь, что в Пекле сейчас беспокойно, — сказал Ганс, не оборачиваясь. — Кроме жары и бурь, там появились какие-то твари. Говорят, мутанты, которые вылезли из-под земли. Или беглые каторжники, которые озверели. В общем, берегись не только солнца.

— Разберусь.

— Знаю, что разберёшься. Ты всегда разбираешься. Но смотри, не дай этой женщине залезть тебе в голову. Это хуже любой пустыни.

Рэм не ответил. Он расплатился жетонами, забрал увесистый мешок с припасами и вышел.

Жара встретила его снова. Солнце уже клонилось к закату, но легче не становилось. Рэм направился к своему жилищу — небольшой каморке на втором этаже заброшенного дома, куда он возвращался только для сна.

По пути он размышлял о словах Ганса. «Не дай этой женщине залезть тебе в голову». Легко сказать. Рэм знал свою слабость. Он не боялся пуль, ножей, диких зверей или мутантов. Но когда речь заходила о женском внимании, он терялся. В этом было что-то глубоко иррациональное, с чем он не мог справиться, сколько бы ни тренировал волю.

Он вспомнил, как в юности, ещё до того как стал охотником, одна девушка из его посёлка — дочь лавочника — пригласила его на танец во время праздника. Он так испугался, что убежал и спрятался в сарае, где просидел до утра. Потом долго не мог смотреть ей в глаза. Этот страх так и остался с ним, как старый шрам.

А теперь судьба, словно издеваясь, подкидывала ему контракт, в котором нужно было провести несколько дней наедине с женщиной. Возможно, даже связать её, если будет сопротивляться. Прикасаются к ней. Смотреть ей в глаза. Он почувствовал, как внутри всё сжимается от одной мысли об этом.

«Это просто работа», — снова повторил он про себя, поднимаясь по скрипучей лестнице. «Цель. Объект. Не женщина — задание».

Он открыл дверь своей каморки, вошёл и запер её на засов. Внутри было душно и пыльно. Узкая койка, стол, стул, пара полок с немногочисленными вещами. Окно выходило на стену соседнего дома, поэтому света было мало. Но Рэму было всё равно. Он привык к темноте.

Он сбросил плащ, снял пояс с оружием и сел на койку. В голове крутились обрывки разговора с Луи, слова старика на улице, предостережения Ганса. Всё это сливалось в один тревожный гул.

Женщина. Лина Арендт. Учёная. Шрам на левом предплечье. Умеет убеждать.

Он закрыл глаза и попытался представить её лицо. Но вместо этого увидел лишь пустыню — бескрайнюю, раскалённую, и одинокий силуэт, идущий на север. Этот силуэт не был похож на жертву. Скорее на охотника.

Рэм открыл глаза. В комнате было темно. Он зажёл керосиновую лампу и начал готовиться к завтрашнему выходу. Сначала — проверка оружия. Потом — укладка рюкзака. Вода — самое ценное. Он рассчитал, сколько нужно на неделю, и добавил ещё запас. Сухпай, аптечка, верёвка, компас, карта местности, которую Ганс вложил в мешок. Всё это он раскладывал на столе, проверяя каждую мелочь.

Когда приготовления были закончены, Рэм разделся до пояса и снова сделал серию упражнений, чтобы снять напряжение. Мышцы гудели, но это помогало отвлечься.

Он лёг на койку, закинув руки за голову, и уставился в потолок. Сна не было. Мысли возвращались к заданию. Что она за человек? Почему ушла в Пекло одна? Что за данные она несёт? И почему заказчик так нервничает?

Луи сказал, что она может «убеждать без слов». Что это значит? Гипноз? Психологическое воздействие? Или просто женское обаяние, против которого Рэм был так уязвим?

Он перевернулся на бок и приказал себе спать. Дисциплина. Завтра будет тяжёлый день. Нужно быть в форме.

Но перед тем как провалиться в беспокойный сон, он снова увидел перед глазами старика с его пророчеством: «Она заберёт твоё сердце и бросит его в песок».

Рэм хмыкнул в темноту.

«Сердце? — подумал он. — Его у меня давно нет».

Он ошибался. Но узнает он об этом позже.

Глава 3. След в пустоте

Рэм вышел из города на рассвете, когда небо только начинало сереть, а воздух был ещё не раскалён, но уже пах песком и горечью. Он покинул свою каморку задолго до того, как первые лучи солнца коснулись крыш, и двинулся к северным воротам — тем, что выходили прямо на Пекло. Улицы были пусты, лишь редкие тени бездомных шарахались в подворотнях. Город спал тревожным сном, измученный вчерашней жарой, и не видел, как одинокий путник в сером плаще уходит туда, откуда обычно не возвращаются.

У ворот его встретил стражник — пожилой, с выцветшими нашивками и равнодушным взглядом. Он скользнул по Рэму мутными глазами, даже не спросив документов. В такие дни в Пекло выходили только самоубийцы или охотники. И тех, и других расспрашивать было бесполезно.

— Удачи, — буркнул стражник, не то с насмешкой, не то с жалостью, и отвернулся.

Рэм не ответил. Он поправил лямки рюкзака, проверил, как сидит пояс с оружием, и шагнул за ворота. Позади остались последние постройки — приземистые, глинобитные, словно вросшие в землю от страха. Впереди лежало Пекло.

Первые несколько миль дорога была ещё узнаваемой: разбитая колея, усыпанная щебнем, остатки указателей, покосившийся столб с выцветшей табличкой «До карантинной зоны — 5

км». Дальше начиналась уже не земля, а нечто иное — пространство, где привычные законы переставали действовать. Рэм чувствовал это кожей: воздух становился гуще, суше, он словно высасывал влагу не только из тела, но и из мыслей. Горизонт дрожал, размывая очертания далёких барханов, и казалось, что впереди не пустыня, а бесконечное море расплавленного стекла.

Он шёл размеренным шагом, экономя силы. Рюкзак давил на плечи, но это была привычная тяжесть. Вода — четыре фляги по два литра, завёрнутые в плотную ткань, чтобы не нагревались. Сухпай — полоски вяленого мяса, галеты, сушёные фрукты, соль. Аптечка — бинты, антисептик, порошок от лихорадки. Верёвка, нож, запасные патроны, компас, карта, на которой Пекло обозначалось лишь редкими пунктирами и значками, предупреждающими об опасности. Всё это Рэм проверял десятки раз, и всё же перед выходом ещё раз мысленно пересчитал.

Дисциплина. Он повторял это слово про себя, как молитву. Дисциплина — это то, что отличает живущего от мёртвого. Особенно здесь.

Солнце поднималось медленно, но неумолимо. Рэм чувствовал, как его лучи начинают припекать даже сквозь плащ. Он надвинул капюшон ниже, закрыл лицо платком, оставив лишь узкую щель для глаз. Песок скрипел под ботинками, иногда попадая внутрь, но он не обращал внимания. Мысли его были заняты заданием.

Лина Арендт. Учёная. Сбежала из Столицы с какими-то данными, которые могут «вернуть климат вспять». Луи говорил об этом с таким придыханием, будто речь шла о спасении мира. Но Рэм знал цену таким историям. За каждым «спасением мира» стояли чьи-то интересы. Кому-то выгодно, чтобы жара продолжалась. Кому-то — чтобы она закончилась. А он, Рэм, был лишь инструментом в этой игре. Его дело — найти и доставить.

Но чем дальше он уходил в пустыню, тем сильнее его одолевали сомнения. Что, если эта женщина действительно нашла что-то важное? Что, если её данные могут изменить жизнь к лучшему? Рэм отгонял эти мысли. Сентиментальность — удел слабых. Он не спасает мир. Он зарабатывает на жизнь.

К полудню он достиг первой точки на карте — старого колодца, о котором упоминал Луи. Точнее, того, что от него осталось. Несколько позеленевших от времени камней, покосившийся деревянный сруб, пересохшее дно. Вокруг валялись обломки керамики, ржавые ведра, кости мелких животных. Рэм остановился, чтобы перевести дух. Вода в его флягах была ещё прохладной, но он позволил себе лишь маленький глоток, стараясь растянуть запас.

Он осмотрел место. Здесь могли останавливаться караваны, но уже давно. Следов не было. Вернее, были, но стёртые временем. Рэм присел на корточки и внимательно изучил землю у колодца. Ничего. Только пыль и потрескавшаяся глина.

Он двинулся дальше. Путь его лежал на северо-запад, через Сухой каньон. Каньон был опасен: там не было тени, а стены из красного песчаника отражали солнечный свет, создавая эффект духовки. Но это был самый короткий путь. Луи говорил, что женщина шла именно там.

К вечеру первого дня Рэм достиг входа в каньон. Перед ним возвышались гигантские отвесные скалы, изрезанные трещинами, словно морщинами на лице древнего старика. Ветер гудел в этих трещинах, создавая жутковатые звуки, похожие на стоны. Рэм не был суеверен, но невольно ускорил шаг.

Он шёл по дну каньона, по сухому руслу реки, которая когда-то, возможно, текла здесь в незапамятные времена. Теперь же тут был лишь песок, галька и редкие обломки скал. Жара концентрировалась в узком пространстве, и вскоре Рэм почувствовал, как пот уже не стекает, а испаряется прямо на коже. Это был плохой знак. Он знал, что в таких условиях человек теряет влагу быстрее, чем кажется.

К ночи он выбрался из каньона и разбил лагерь у подножия небольшой скалы, которая давала хотя бы немного тени от ветра. Огня он не разводил — лишний дым мог привлечь

внимание, да и дров в пустыне было не сыскать. Вместо этого он завернулся в плащ, привалился спиной к камню и закрыл глаза. Сон пришёл не сразу. В голове крутились обрывки разговоров: Луи, Ганс, старик на рынке. Женщина. Её тёмные волосы. Шрам на предплечье.

Он заставил себя уснуть.

Второй день был тяжелее. Жара стала невыносимой уже к девяти утра. Рэм шёл, опустив голову, следя за тем, чтобы не сбиться с курса. Компас вёл его верно, но иногда стрелка начинала бешено вращаться — это означало, что под песком залегают магнитные аномалии, обычное дело для Пекла. Рэм останавливался, пережидал, затем продолжал путь, ориентируясь по солнцу.

Он начал замечать, что пустыня не так безжизненна, как казалось на первый взгляд. На редких колючих кустах сидели ящерицы, застывшие, как изваяния. Иногда вдалеке пробегали пустынные крысы, шурша сухими стеблями. Один раз он увидел змею, свернувшуюся в тени камня. Она не двинулась, провожая его немигающим взглядом.

К полудню он нашёл то, что искал. В стороне от основного пути, наполовину занесённый песком, лежал обугленный остов повозки. Колёса были сломаны, дерево почернело от огня, а вокруг валялись обломки каких-то ящиков и тюков. Рэм остановился и внимательно осмотрел место. Судя по всему, на караван напали рэйдеры. Он видел такое раньше: нападения в Пекле были обычным делом. Бандиты не оставляли свидетелей.

Рядом с повозкой он заметил кости. Обглоданные, высушенные солнцем, они белели на песке, как древние реликвии. Животные. Лошади или ослы, которых тащили повозку. Людей он не нашёл — то ли утащили, то ли похоронили. Но Рэм не собирался задерживаться здесь. Его интересовало другое.

Он обошёл место происшествия, вглядываясь в песок. Следы. Много следов — неровные, хаотичные, оставленные в спешке. Следы босых ног, обуви, копыт. Но все они вели в разные стороны, большинство — обратно в пустыню, туда, откуда пришли рэйдеры. И только одна цепочка шла на север.

Рэм опустился на колено и всмотрелся. Отпечаток изящного ботинка, с чётким рисунком подошвы. Не походный, не грубый армейский, а городской, лёгкий. Женский. Он провёл пальцем по краю отпечатка — песок уже успел слегка осыпаться, но форма сохранилась. След был оставлен не более двух-трёх дней назад.

Сердце Рэма на мгновение сбилось с ритма. Он нашёл её. Лина Арендт. Она действительно шла на север, и она была здесь. Одна, судя по следам. Она не погибла при нападении. Возможно, успела сбежать, когда началась бойня.

Он поднялся и огляделся. Солнце стояло в зените, и жара давила так, что воздух дрожал, искажая очертания скал. Рэм чувствовал, как во рту пересохло, но не позволил себе пить больше положенного. Вместо этого он прикинул расстояние. Если она двигалась с той же скоростью, что и он, и не останавливалась на длительные привалы, то сейчас она могла быть в двух-трёх днях впереди. Но у него было преимущество: он знал местность, был лучше подготовлен и не боялся идти ночью. А она, скорее всего, шла только днём, опасаясь темноты.

Он двинулся по её следу. Петляя между барханами, след то исчезал на каменистых участках, то появлялся снова. Рэм не спешил, боясь потерять нить. Иногда он останавливался, прислушивался к пустыне, но вокруг было тихо. Только ветер.

К вечеру он вышел к развалинам старого форта, о котором упоминал Луи. Форт стоял на возвышенности, наполовину разрушенный, с обвалившимися стенами и пустыми глазницами окон. Когда-то это был пограничный пост, теперь — приют для бродяг и диких зверей. Рэм подошёл осторожно, держа руку на рукояти ножа.

Внутри было пусто. Он обошёл комнаты, заглянул в подвал, но никого не нашёл. Зато у входа он снова увидел след. Женщина останавливалась здесь. На полу лежал обрывок ткани, похожий на кусок от её комбинезона. Рэм поднял его, повертел в пальцах. Ткань была лёгкой,

явно не предназначенной для пустыни. Она пропиталась потом и пылью, но всё ещё сохраняла едва уловимый запах — не духов, а чего-то другого, чистого, как озона после грозы.

Он сунул обрывок в карман. Зачем — не знал. Возможно, как улику. Или как напоминание о том, что цель близка.

Ночь он провёл в форте, выбрав комнату с уцелевшей крышей. Снаружи выл ветер, но внутри было относительно тихо. Рэм разложил спальник на каменном полу и долго лежал, глядя в потолок. Мысли его были далеко.

Он думал о ней. Лина. Учёная. Зачем она пошла через Пекло одна? Что за данные она несёт? И почему Луи так боится её? «Она умеет убеждать. Даже без слов». Рэм не знал, что это значит, но отчего-то ему становилось не по себе.

Он вспомнил старика на рынке: «Она заберёт твоё сердце и бросит его в песок». Глупость. Суеверие. У него нет сердца, которое можно забрать. Оно давно заросло бронёй, как городские стены.

Но где-то глубоко внутри он чувствовал, что этот контракт не будет похож на предыдущие. Слишком много странностей. Слишком много предупреждений. И слишком много страха — не перед пустыней, нет. Перед ней.

К утру третьего дня он снова двинулся в путь. След стал менее заметным: ветер заметал его, а местами песок был таким рыхлым, что отпечатки почти не сохранялись. Рэм ориентировался по общим приметам: сломанная ветка у куста, сдвинутый камень, следы от костра, которые она, видимо, оставляла на ночных стоянках. Она шла на север, не отклоняясь, как будто точно знала, куда идёт.

Жара усиливалась с каждым часом. К середине дня Рэм почувствовал первые признаки теплового удара: лёгкое головокружение, сухость в горле, перед глазамиплыли тёмные пятна. Он остановился в тени большой скалы и сел, привалившись спиной к прохладному камню. Сделал несколько глотков воды, смочил платок и приложил ко лбу.

В этот момент он увидел её.

Она стояла на вершине бархана, метрах в ста от него. Высокий, стройный силуэт. Длинные тёмные волосы развевались на ветру, хотя ветра почти не было. Она смотрела на него, не двигаясь. Лицо её было скрыто тенью, но Рэм чувствовал её взгляд — холодный, испытующий, проникающий в самую душу.

Он моргнул. Силуэт исчез. Только песок и дрожащий воздух.

— Галлюцинация, — прошептал он пересохшими губами. — Началось.

Он встряхнул головой, заставил себя подняться. Дисциплина. Нужно идти дальше. Нельзя поддаваться миражам. Пустыня коварна: она показывает то, чего ты больше всего хочешь или боишься. Рэм не знал, чего он хотел больше — найти её или избежать встречи. Но пустыня, похоже, знала.

Он шёл до самой темноты, уже не разбирая следов, просто двигаясь по компасу на север. Вечером, когда солнце село и небо затянуло багровыми полосами, он снова увидел её. На этот раз она стояла ближе, у входа в узкую расщелину между скалами. Она подняла руку и поманила его.

Рэм остановился. Сердце колотилось где-то в горле.

— Уйди, — сказал он вслух, обращаясь к видению. — Тебя нет.

Но видение не исчезало. Оно двинулось вглубь расщелины, растворилось в тени.

Рэм выругался сквозь зубы. Он знал, что идти за галлюцинацией — верная смерть. Но что-то тянуло его туда. Любопытство? Или подсознательное желание, чтобы это была она, настоящая?

Он сделал шаг к расщелине, потом остановился, тряхнул головой и резко повернул на север. Нет. Это ловушка. Пустыня играет с ним, как кошка с мышью.

Он разбил лагерь прямо на открытом месте, не в силах идти дальше. Ночь была душной, безветренной. Звёзды висели низко, как раскалённые угли. Рэм лежал на спине, смотрел в небо и думал о том, сколько ещё он сможет продержаться.

Вода заканчивалась быстрее, чем он рассчитывал. Осталось две фляги. Жара не спадала даже ночью. А до Свободных Территорий было ещё много дней пути. Но он не собирался идти до конца. Его цель — найти её до начала Пыльных Бурь и вернуть назад. Но в глубине души он понимал, что шансы на это тают с каждым часом.

Он закрыл глаза и провалился в беспокойный сон, полный кошмаров: огонь, песок, женский смех, шрам на предплечье.

Наутро он проснулся с ощущением, что за ним наблюдают. Открыл глаза, резко сел. Вокруг никого. Только бесконечная пустыня, белая от зноя.

Он поднялся, сделал несколько упражнений, чтобы разогнать кровь, затем собрал лагерь. След женщины он потерял ещё вчера. Оставалось надеяться, что она всё ещё идёт на север и что он сможет перехватить её у старого оазиса. Если оазис ещё существует. Если она ещё жива.

Рэм закинул рюкзак на плечи и зашагал вперёд, в самое сердце Пекла.

Прошло несколько часов, когда он заметил вдалеке что-то тёмное. Подойдя ближе, он увидел, что это обломки какого-то устройства — металлические пластины, провода, разбитый экран. Похоже на оборудование из лаборатории. Значит, она действительно несла что-то с собой и, возможно, потеряла или бросила часть снаряжения. Он наклонился, осмотрел обломки. Они были оплавлены, словно побывали в огне или под воздействием высокой температуры. Но в пустыне не было источников такого жара, кроме солнца. Странно.

Рэм поднял один из обломков — кусок пластика с выгравированным символом: солнце, наполовину закрытое ладонью. Знак «Гелиоса» — той самой лаборатории, о которой говорил Луи. Значит, это её работа. Или её след.

Он отбросил обломок и продолжил путь. Мысли путались. Жара снова давила на мозг, и он уже не мог отличить реальность от миража. Несколько раз он видел впереди озеро с прохладной водой, но, подходя ближе, обнаруживал лишь раскалённый песок.

Однажды ему показалось, что рядом идёт тень — высокая, женская. Он обернулся — никого. В другой раз он слышал голос, зовущий его по имени. Голос был мягким, вкрадчивым. Он остановился, прислушался. Тишина. Только ветер.

К вечеру третьего дня он наконец увидел оазис. Или его призрак. Несколько чахлых пальм, пятно зелени, блеск воды. Рэм не поверил своим глазам. Он знал, что старый оазис, упомянутый Луи, должен был находиться где-то здесь, но был уверен, что давно пересох. Однако зелёные верхушки пальм выглядели реальными.

Он ускорил шаг, почти побежал, забыв об экономии сил. Жажда гнала его вперёд. Но, подбежав ближе, он увидел, что это не мираж. Оазис действительно существовал. Вода в небольшом пруду была мутной, но настоящей. Вокруг росли колючие кусты, а в тени пальм лежал кто-то.

Рэм остановился как вкопанный. На земле, прислонившись к стволу пальмы, сидела женщина. Она была босая, в изодранном комбинезоне, с растрепанными волосами. Глаза её были закрыты. Он узнал её — по описанию Луи, по шраму на левом предплечье, который был виден сквозь разорванный рукав.

Лина Арендт.

Она была жива. Но без сознания.

Рэм сделал шаг к ней, потом остановился. В голове пронеслись слова старика, Луи, Ганса. «Она заберёт твоё сердце». «Она умеет убеждать». «Не дай ей залезть тебе в голову».

Он стоял и смотрел на неё, не решаясь подойти. Жара, жажда, усталость — всё это отступало перед внезапным, парализующим страхом. Страхом, который он испытывал только перед женщинами.

Она шевельнулась. Ресницы дрогнули. И Рэм понял, что бежать уже поздно.

Глава 4. Беглянка

Рэм стоял неподвижно, словно врос в песок. Жара, жажда, усталость — всё отступило перед этим внезапным, парализующим страхом. Страхом, который он испытывал только в присутствии женщин. Страхом, который он так старательно подавлял годами, но который сейчас поднялся из глубин, как мутная вода из старого колодца.

Она сидела, прислонившись к стволу пальмы, без движения. Голова её свесилась набок, тёмные волосы, спутанные и грязные, закрывали половину лица. Одежда — изодранный комбинезон, когда-то белый, теперь цвета пыли и засохшей крови — едва прикрывала тело. Руки безвольно лежали на коленях, и на левом предплечье, сквозь разорванный рукав, виднелся шрам — неровный, похожий на ожог, как и говорил Луи. Ноги босые, ступни покрыты ссадинами и волдырями. Она была похожа на сломанную куклу, выброшенную в пустыню.

Рэм сглотнул. Во рту было сухо, как в топке. Он заставил себя сделать шаг вперёд. Дисциплина. Это всего лишь цель. Объект. Не женщина. Задание.

Он подошёл ближе, стараясь ступать бесшумно, хотя понимал, что она, скорее всего, без сознания. Пальцы его правой руки машинально легли на рукоять ножа, висевшего на поясе. Привычка. Вторая натура. Но сейчас нож был не нужен. Она не представляла угрозы. По крайней мере, физической.

Он опустился на корточки рядом с ней, внимательно разглядывая. Лицо её было бледным, несмотря на загар, губы потрескались, на скуле — ссадина, запёкшаяся кровь. Грудь едва заметно вздымалась — дыхание слабое, но ровное. Жива.

Рэм снял с плеча рюкзак, не сводя с неё глаз. Каждое его движение было осторожным, рассчитанным. Он не доверял ей даже в таком состоянии. Она могла очнуться в любой момент. И тогда — что? Ударить? Убежать? Или, что хуже, заговорить?

Он достал флягу с водой, отвинтил крышку, намочил край платка. Затем, преодолевая внутреннее сопротивление, протянул руку и осторожно отвёл волосы с её лица. Кожа была горячей, но не настолько, чтобы говорить о сильном перегреве. Она была обезвожена, истощена, но живуча. Пальцы его дрогнули, когда он коснулся её щеки. Он тут же отдернул руку, выругался про себя.

— Соберись, — прошептал он пересохшими губами. — Это просто работа.

Он приложил мокрый платок к её лбу. Она не пошевелилась. Тогда он смочил её губы, капнул несколько капель воды в приоткрытый рот. Она судорожно сглотнула, но глаз не открыла. Рэм дал ещё немного, следя, чтобы она не захлебнулась. Её горло дёрнулось, она закашлялась, но в себя не пришла.

— Чёрт, — выдохнул он. — Давай, очнись.

Он не знал, зачем ему нужно, чтобы она очнулась. Возможно, чтобы убедиться, что она сможет идти. Или чтобы поскорее покончить с этим. Он не мог тащить её на себе через всю пустыню. Если она не встанет, контракт провалится. Нужно было привести её в чувство.

Рэм огляделся. Оазис был небольшим: несколько чахлах пальм, кусты с колючками, небольшой пруд с мутной водой, которая, тем не менее, была настоящей. Вокруг — песок, скалы, и больше ничего. Тишина. Только стрекотание каких-то насекомых в кустах.

Он поднялся, подошёл к пруду, зачерпнул ладонью воду. Она была тёплой, но относительно чистой. Он плеснул себе в лицо, смывая пот и пыль. Затем наполнил флягу, вернулся к женщине.

— Эй, — позвал он, легонько похлопав её по щеке. — Ты меня слышишь?

Она не ответила. Он повторил, уже сильнее. Её веки дрогнули.

— Давай, — настойчивее сказал он, наклоняясь ближе. — Открой глаза.

Ресницы её затрепетали, и наконец она открыла глаза. Серые, как описывал Луи, но сейчас они были мутными, расфокусированными. Она моргнула раз, другой, пытаясь сфокусироваться на его лице.

Рэм отпрянул назад, инстинктивно увеличивая дистанцию. Сердце заколотилось где-то в горле. Он смотрел на неё, как кролик на удава.

Несколько секунд она просто смотрела в пространство перед собой, затем её взгляд остановился на нём. В её глазах мелькнуло узнавание. Или ему показалось?

— Ты... — прошептала она хрипло, голосом, который был почти неслышен. — Ты пришёл.

Рэм замер. Она говорила так, будто ждала его. Будто знала, что он появится.

— Ты меня знаешь? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Это ему почти удалось.

Она не ответила сразу. Она обвела взглядом оазис, словно проверяя, где находится. Затем снова посмотрела на него. В её глазах начало проясняться.

— Ты охотник, — сказала она, уже более твёрдо, хотя голос всё ещё был слабым. — За мной.

Рэм не стал отрицать.

— Да, — ответил он коротко. — Меня послали вернуть тебя.

— Вернуть, — она усмехнулась, и эта усмешка исказила её потрескавшиеся губы. — Заказчик выбрал тебя? Забавно.

— Почему забавно?

— Потому что я видела тебя. Во сне. И не только.

Рэм нахмурился. Его мозг, привыкший к логике, отказывался принимать такие заявления. Она была слаба, обезвожена, возможно, у неё начались галлюцинации. Но что-то в её взгляде — спокойном, пронизывающем — заставляло его сомневаться.

— Бред, — сказал он, отводя глаза. — Тебе нужна вода.

Он поднёс флягу к её губам. Она сделала несколько глотков, не сводя с него изучающего взгляда. Он чувствовал этот взгляд, и от него становилось не по себе. Он привык, что люди боятся его. Но эта женщина не боялась. Она рассматривала его, как экспонат.

— Как твоё имя? — спросила она, отстраняясь от фляги.

— Неважно.

— Мне важно. Я должна знать, кто меня нашёл.

Рэм молчал. Ему не хотелось называть своё имя. Это создавало бы какую-то связь. А он не хотел связей. Особенно с ней.

— Рэм, — вдруг сказала она, и от звука его имени из её уст по его спине пробежал холодок. — Тебя зовут Рэм.

Он резко поднялся, отступив на шаг. Откуда она знает? Луи не мог ей сказать — они не общались. Или мог? Или это совпадение? Или её слова о сне — правда?

— Ты бредишь, — процедил он. — Отдохни. Нам ещё идти.

— Куда? — она слабо улыбнулась. — Обратно к твоему заказчику? Или на север?

— Это решаю я.

— Конечно, решаешь ты. Ты всегда всё решаешь. Один. Без чьей-либо помощи.

Рэм замер. Это было уже слишком. Она говорила так, будто знала его. Будто заглядывала в его мысли. Он сжал кулаки, подавляя вспышку раздражения. — Откуда ты знаешь моё имя? — спросил он, стараясь не выдать волнения.

— Я же сказала: я видела тебя. Во сне. Ты шёл по пустыне. Один. Ты всегда один. Даже когда вокруг люди.

Её голос был тихим, но слова врезались в него, как осколки. Рэм почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Он отвёл взгляд, уставился на пруд, на отражение пальм в мутной воде.

— Это галлюцинация, — сказал он, скорее самому себе. — От жары.

— Может быть, — согласилась она. — Но ты пришёл. И теперь мы вместе.

Она снова закрыла глаза, обессиленно откинувшись на ствол. Рэм стоял, не зная, что делать. Часть его хотела немедленно связать её, пока она слаба, и начать обратный путь. Но что-то удерживало. Слова о том, что она его видела, не выходили из головы. Он не верил в сверхъестественное, но совпадение было слишком точным. Или она как-то узнала о нём заранее. Может, она готовилась к погоне. Может, у неё есть сообщники. Нужно быть настороже.

Он решил не связывать её пока. Она слишком слаба, чтобы убежать. Но оружие он держал наготове.

Прошло около часа. Рэм сидел на камне неподалёку, пил воду маленькими глотками, поглядывая на неё. Она то теряла сознание, то приходила в себя, что-то бормотала. Один раз она произнесла его имя — тихо, почти нежно. От этого звука у него по коже побежали мурашки.

Он заставил себя думать о деле. Нужно было спланировать обратный путь. Воды осталось немного — на двоих не хватит, если идти до города. Но если он поведёт её на север, до Свободных Территорий, шансы на выживание тоже невелики. Однако она говорила, что заказчик убьёт её. Если это правда, то, вернув её, он станет соучастником убийства. Рэм не был святым, но он никогда не убивал без необходимости. Его кодекс был прост: делать то, за что платят, но не переступать определённые границы. Убийство беззащитной женщины в эти границы не входило.

Он посмотрел на неё. Теперь, когда она была без сознания, она выглядела совсем юной и беззащитной. Несмотря на шрам, на грязь, на усталость. И в нём шевельнулось что-то, чему он не мог дать названия. Жалость? Или что-то большее?

Он тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Сентиментальность — удел слабых. Нужно было действовать.

Когда солнце начало клониться к закату, Лина снова очнулась. На этот раз её взгляд был яснее. Она попыталась сесть, застонала от боли.

— Где мы? — спросила она, озираясь.

— В оазисе, — ответил Рэм, не оборачиваясь. Он сидел спиной к ней, разбирая свой рюкзак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.